

В Москву (2 января 2000 г.)

Сижу на кухне. До прибытия Valley Transporter'a, который отвезет меня в аэропорт Hartfordd, осталось минут 10-15. Этот самый Valley Transporter – что-то вроде специального маршрутного такси до аэропорта. Вы заказываете его по телефону, они приезжают к вам домой, забирают вас и, может быть, еще кого-нибудь из окрестности, и везут в аэропорт. Для одного человека это, кажется, стоит 30 долларов, для двоих – чуть больше, но ненамного, кажется, 40. Причем этот аэропорт довольно далеко от Амхерста, на машине примерно час, в основном, по Interstate.

Можно и в Нью-Йорк, до JFK (аэропорт Кеннеди). Но туда уже намного дороже, 224 доллара (уже независимо от того, один или двое, там, вероятно, попутчики маловероятны).

Мы должны были лететь вместе. Барбара хотела заказать этот «транспортер» до Нью-Йорка. Она боялась, не будут ли каких-то неожиданностей, как в прошлом году со мной, когда мой самолетик сломался, и я улетел на следующий день. Но это был выходной день и у них не оказалось шофера. Поэтому она заказала для нас обоих этот транспортер до Хартфорда.

Это было несколько дней тому назад. Но 30 декабря умерла ее мама.¹ Это, естественно, спутало все планы. Она поехала в Балтимор. А про меня мы, посоветовавшись, решили, что мне надо лететь, как и намечалось.

Похорон не будет. Барбарина мама (кажется, и ее отец) давно «завещала» свое тело после смерти какой-то medical school. Так что никаких похорон, никакой могилы, никакого кладбища.

Будет memorial service (мемориальная служба). Это будет в церкви. Но в принципе такого рода службы бывают и в светских местах. Когда мы обсуждали, ехать мне или не ехать, еще неизвестно было, когда эта служба состоится. Потом служба была назначена как раз на 2 января, на сегодня, на 3 часа. Но когда мы обсуждали, это было еще неизвестно, но понятно было, что если я поеду с Барбарой, то 2 января мне не улететь.

А мне надо было выйти на работу в этот короткий промежуток между Новогодними и Рождественскими праздниками. Меня не было на работе 4 месяца, а 9 января мы опять улетаем, на этот раз в Данию, на 10 дней.

Так что я думаю, что мы правильно решили. Хотя, конечно, в эти дни мне было бы лучше быть с Барбарой.

Но мы как-то много говорили об этом до ее отъезда. И потом, по телефону.

Маме ее было 93 г. Она умерла мирно, во сне. Месяц назад она сломала бедро, ей сделали операцию. Она попеременно была то в больнице, то в nursing home, в так называемом medical wing, это что-то вроде реабилитационного центра. Не ясно было, сможет ли она ходить. В любом случае она должна была бы пробыть в этом

¹ Утром Барбаре позвонил Дик, ее брат, прямо из больницы, через 10-15 минут после того, как она умерла. Рано утром ей было трудно дышать, ее перевезли из nursing home в больницу, что-то сделали, вроде бы стало лучше, она спокойно заснула. Дик стал что-то читать. Через 10 минут вошел врач, посмотрел на Htlen и сказал: “O-o, she died”.

центре пару месяцев. Но, видимо, то ли сердце не выдержало, то ли еще что-то. Все-таки 93 года.

* * *

Мой «транспортёр» приехал точно вовремя. Это действительно был микроавтобус. Кроме меня он взял в Амхерсте еще одну пассажирку. На Interstate 91, вскоре после Амхерста, была не то что пробка, а так, traffic, минут 10 мы ехали довольно медленно, и шофер даже переговаривался по этому поводу с диспетчером. Но вскоре пробка как-то рассосалась, и мы доехали даже раньше, чем предполагалось.

Где-то в районе Холиока шоссе проходит довольно высоко, обычно видно всю долину. Но сейчас был густой туман. Проехали чуть дальше – и вдруг голубое небо. Так что если мотор не сломается, как в прошлый раз, должны долететь. Но не говори гоп...

* * *

Но вот я уже checked in – зарегистрировался, сдал два своих чемодана. У меня еще рюкзачек с компьютером, сумка с барахлом и портфель.

Видимо, в честь Нового года и предупреждений о возможных террористических актах контроль чуть строже обычного. На входе, где просвечивают ручную кладь, написано, что пропускают только с билетами. У меня спросили, есть ли билет, но удовлетворились устным подтверждением, сам билет не просили показать.

У регистрационной стойки, как обычно спрашивают, нет везете ли чего чужого, сами ли паковали свой багаж и т.п. Увидев мой советский паспорт, мне даже дали этот вопросник на бумажке, по-английски и по-русски. И как обычно, я чуть покривил душой, сказал, что ничего чужого у меня нет. Но у меня полчемодана – вещи и письма, которые Саша Раскина посылает в Москву своим друзьям и знакомым. А их у нее много.

Я помню, что как-то в Москве, проходя через контроль, мы на подобный вопрос ответили честно – что везем два чужих письма. И, по-моему, повергли клерка в недоумение. Он не знал, что делать. По инструкции, нужно было эти письма по крайней мере распечатать, подвергнуть какому-то контролю – вдруг они letter-bombs, etc. Но ему ясно было, что это обычные письма – он же советский человек, хоть и служит в Дельте. И он явно был недоволен, что мы признались. Он куда-то бегал, может быть даже сунул их в какой-то детектор. И сказал нам, чтобы мы никогда больше чужих писем не брали.

Вообще-то я действительно не очень понимаю, почему теперь люди передают письма. Конечно, советская почта работает не быстро, письма от моей мамы из Казани шли ко мне обычно недели две. А одно где-то застряло и пришло через полтора месяца. И Игорь Сидоров посылал как-то две одинаковые бандероли, одну мне, другую Саше Раскиной. Она свою получила быстро, а я уже отчаялся увидеть свои журналы, как вдруг, месяца через полтора она таки пришла. Но дошло, вроде бы все, ни одно из писем (про которые я знал, что они отправлены) не пропало.

А если с оказией отправлять, то ведь тоже не сразу люди письма получают. Саша послала мне эту свою коробку за неделю до моего отъезда, если не раньше. И

пока я это все передам Лене Вигдоровой, пока у нее все это заберут другие корреспонденты – те же две недели и пройдут, если не больше. А сколько хлопот.

Посылочки – это, конечно, несколько другое дело. Но в общем, оказия – это уже в значительной мере советский атавизм.